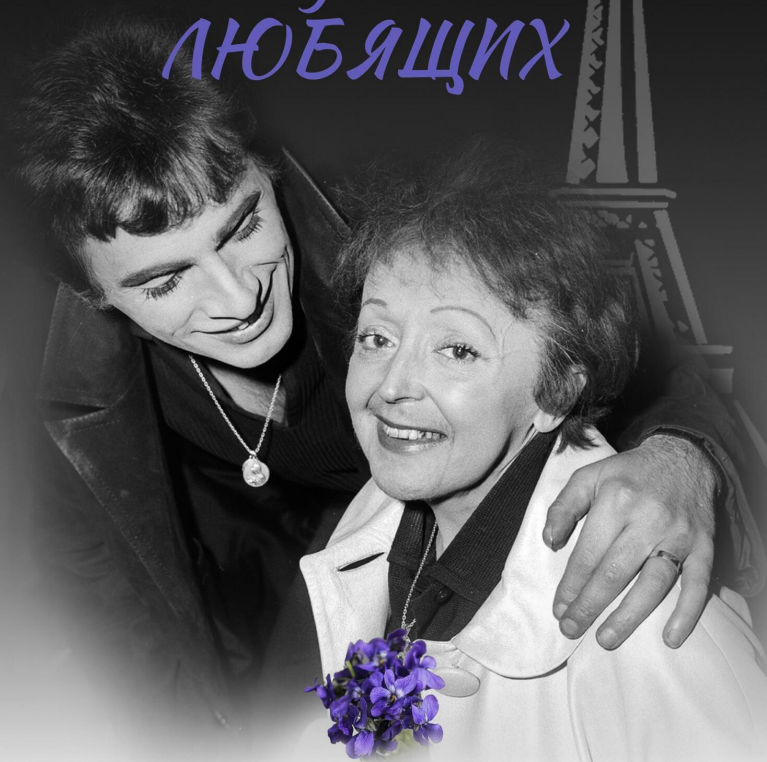


Эдит Piaфр:
БОГ
соединяет
ЛЮБЯЩИХ



СВЕТЛАНА КИСИЛЕВА

Светлана Кисилева Эдит Пиаф: Бог соединяет любящих

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70501444
SelfPub; 2024*

Аннотация

Это одна из самых красивых историй любви XX века. Она настолько невероятна, что похожа на сказку, печальную, но очень светлую. И ее в пору было бы начать со слов: «Жили-были»... Хотя эта история произошла на самом деле. Эдит Пиаф как-то сказала: «Больше всего я любила Марселя Сердана, но тот, кого я ждала, это Тео Сарапо». Короткое, пронзительное счастье с Тео, омраченное предчувствием скорой разлуки. Неужели все? Как же так, чуда больше не будет?... О жизни, смерти и любви, которая все побеждает. Это не попытка написать еще одну биографию великой французской певицы. Это художественное произведение, которым, как известно, присуща доля вымысла. Но вымысла здесь не так много: что-то из того, что здесь описано, дошло до нас в кинохронике, а большинство реплик героев так или иначе были сказаны ими в разных интервью, либо фигурируют в воспоминаниях. Прежде всего, самой Эдит Пиаф и тех, кто знал ее близко.

Содержание

1. «Ты последний, ты первый»	5
2. «Дом, что больше не поет»	23
3. «Забери меня далеко-далеко отсюда»	38
Список цитируемых песен	61

Светлана Кисилева
Эдит Пиаф: Бог
соединяет любящих

По вере вашей да будет вам
Мф 9:29

Великой Эдит и ее последней любви Тео.

1. «Ты последний, ты первый»

Тео не был альфонсом. Хотя многие его таковым считали. Не был и геем, его привлекали женщины. Но любил он одну Эдит. Искренне, беззаветно, несмотря ни на что. Просто любил. И был готов ради нее на все.

Тео был молодой, высокий красавец грек. Эдит была неизлечимо больна и старше на девятнадцать лет. Целых девятнадцать? А ему порой виделась совсем юной.

Шансов встретиться у этих двоих не было никаких. Тео был далек от богемной среды и через неделю собирался лететь в США на стажировку в салоне Элизабет Арден. Оставалось подписать контракт. Но вмешался тот самый случай, который, как говорят французы, «слепым не бывает». А может, точнее будет сказать, Провидение?

Тео жил с родными в предместье Парижа. В тот январский день 1962 года он засиделся с друзьями в одном из кабачков Сен-Жермена. И собирался уже уходить, но новый приятель Клод Фигюс, который как раз веселил всю компанию, травя анекдоты, его удержал.

– Теофанис, куда ты так рано? Ты же не маленький мальчик, чтобы бояться, что тебя заругают родители! Знаешь, в двадцать шесть лет люди женятся, – свою реплику Клод сопроводил умильной гримасой, чем вызвал приступ всеобщего хохота.

– Я не боюсь, – улыбнулся Тео, ничуть не смутившись. – Но я не на машине, а после полуночи метро можно ждать долго. И тогда я опоздаю на поезд. Мне еще ехать в Ла-Фретт с Сен-Лазара. Не на лавочке же мне ночевать!

– Я за рулем. В Ла-Фретт не повезу, но до Сен-Лазара подкину. Во сколько последний поезд?

– В пять минут второго.

– Прекрасно. Пробок уже нет, доставлю в лучшем виде за десять минут, – Клод взглянул на часы: – Можно спокойно сидеть еще час. Скажи гарсону, пусть тащит напитки.

Остаток вечера пролетел незаметно. А когда все направились к выходу, какой-то посетитель вдруг поставил в музыкальном автомате пластинку Пиаф с «Гимном любви». Почему-то именно эту. Хотя самой популярной песней Эдит уже стала «Я ни о чем не жалею», затмившая все другие.

Тео застыл на пороге. Особым фанатом Пиаф он не был, но эту песню любил и взял с собой пластинку в Алжир, где воевал без малого три года. Знакомая мелодия моментально вернула его в то время, в глазах Тео обозначилась несвойственная им жесткость.

Обстрел по казарме начался неожиданно. Они только-только прибыли в расположение. После ужина им предоставили немного свободного времени, и Тео решил включить патефон. Он доставал диск из конверта, пластинка нечаянно выскользнула из рук. Тео наклонился за ней и не устоял на ногах от страшного толчка. Крик капрала: «Ложись!»

потонул в странном грохоте, непохожим на те, что можно услышать в кино. Земля задрожала. Сверху посыпалась земля и куски штукатурки.

Когда дали команду встать, Тео поднял пластинку. Отряхивая диск, он заметил на этикетке кровь. Кровь была его собственной. К счастью, осколок его едва задел. Он не почувствовал и даже не испугался. Но, объяснил капрал, не наклонись Тео за диском, его бы на этом свете не было.

Сейчас голос Эдит вдруг ворвался в мирок, где обычно играли песенки в стиле «йе-йе». И снова, казалось, звучал, как тогда, сквозь адский гром канонады, перекрывая ее своей мощью. Утверждая торжество любви, перед которой отступает сама смерть.

Если однажды жизнь вырвет тебя у меня,
Если ты умрешь или будешь далеко от меня...
Мне все равно, если ты меня любишь,
Ведь я тоже умру...
У нас будет для нас двоих вечность
В голубом просторе бесконечности,
На небесах нет никаких проблем.
...Бог соединяет любящих!¹

Только когда песня закончилась, Тео заметил, что Клод яростно трясет его за рукав:

– Эй, дружище, у тебя что, столбняк? Кто-то спешил на

¹ Все переводы песен выполнены автором.

вокзал, или мне показалось?

– С этой песней у меня многое связано. Когда воевал в Алжире. Я ей жизнью обязан. Прости, не люблю вспоминать подробности.

– Ты не первый, кто впадает в ступор от *ее* голоса. Но мы потеряли добрых пять минут, теперь придется гнать. Если что, штраф на твоей совести! Хотя в этот час риск невелик, – заворчал Фигюс, усаживаясь за руль и поворачивая ключ зажигания.

Полицейские им, и правда, не встретились. Сонный Париж был пуст. Но когда они почти добрались до цели, посреди улицы Рима неведь откуда возникла девочка лет пяти. В свете фар Тео увидел пухлые ручки, бледное личико с огромными глазами, смотревшими в самую душу... А их машина неслась на нее!

– Тормози! Ты же ее задавишь... – испуганно выкрикнул Тео и схватил Клода за руку. Тот ударил по тормозам.

– С ума сошел?! Там нет никого! – возмутился Клод, останавливаясь у тротуара. Тео выскочил из машины. Улица была совершенно безлюдной.

– Но я ясно видел девочку на дороге... В летнем черном платье с короткими рукавами и большим белым бантом в вьющихся волосах.

– Тебе уже говорили, что ты ненормальный? Ребенок один в центре Парижа в это время? Хорошо, других машин нет. А то бы твои «видения» плохо закончились! Садись давай,

опаздываем!

На вокзале они оказались в семь минут второго.

– Вот, так я и знал! Вначале тебе охота послушать песню Пиаф, потом что-то мерещится... И что мне теперь с тобой делать? – забрюзжал Клод, барабанил пальцами по передней панели. И не дожидаясь ответа Тео, махнул рукой: – А ладно, будем считать, что это Эдит «виновата» в том, что ты упустил свой поезд. Пусть теперь развлекает! Поехали...

– Куда? – не понял Тео.

– К Пиаф, на бульвар Ланн.

– Ты с ней знаком? – не поверил Тео, решив, что Клод шутит в своей обычной манере.

– А я не рассказывал? Я у нее что-то вроде секретаря. На ее языке это значит: «старший, куда пошлют». Едем!

– Ночь на дворе, неудобно!

– Самое время: днем Эдит спит, – расхохотался Фигюс. – Вся жизнь у нее после концерта и до утра. Первым поездом в Ла-Фретт и поедешь.

– Ты хочешь сказать, Эдит Пиаф будет меня развлекать?! По-моему, ты или спятил или меня разыгрываешь.

– Ну, спятил, положим, ты, как показывает практика. Да и не обольщайся. Ишь чего возомнил! Это я так... У нее всегда уйма народу. И развлекают обычно ее. Вообще, она репетировать будет, а может, начнут сочинять новую песню. Решайся, я больше не предлагаю, – пожал Клод плечами. – Если ты предпочитаешь топтать пешком в Ла-Фретт или ко-

ротать ночь на лавочке... Лично я хочу есть! Там как раз сядут за стол.

Тео решился. В тот раз они с Эдит обменялись лишь парой взглядов. Взгляды Эдит были насмешливы. А Тео ловил эти взгляды и не мог отделаться от чувства, что видит ту девочку с бантом. Повзрослевшую. Потому оробел, уселся на пол в углу – стульев в доме Пиаф всегда не хватало – и просидел молча, стараясь не привлекать внимания. Правда, при его росте и внешности Аполлона остаться незамеченным было почти нереально. Эдит заметила, но, кроме тех нескольких взглядов, вида не подала.

Дома Тео объяснил, что опоздал на поезд и заночевал у приятеля. Вопросов ему не задали. А сам он не знал, что сказать. Что провел всю ночь у самой Эдит Пиаф, не осмелившись даже заговорить? Тео и представить не мог, что спустя всего несколько месяцев будет знакомить Эдит с родными. Тогда же только мама внимательно на него посмотрела и от чего-то вздохнула.

Но к Пиаф Клод его больше не звал. Тео и не тешил себя иллюзиями, что станет завсегдагатаем в доме великой певицы. Однако через несколько дней почувствовал, что места себе не находит от неясной тревоги. Почему он решил расспросить приятеля о том, как идут дела у Эдит? Тео и сам не мог объяснить. Еще более необъяснимым было то, что он едва не накинулся на Фигюса с кулаками, услышав, что Пиаф заболела, подхватив на сквозняках за кулисами пневмонию, а

Клод ему ничего не сказал...

Тео появился у Эдит в клинике, принеся в подарок куклу в форме греческого солдата – сувенир с его родины. И как-то так вышло, что стал приходить каждый день с новыми безделушками или цветами. Оставался подолгу в палате, читал что-то вслух... Из больницы Эдит забирал Тео и нес на руках. На стажировку он не поехал.

Эдит вошла в его жизнь. А может, он вошел в жизнь ее... Чтобы больше не расставаться. Все случилось так, будто было predetermined чьей-то могущественной волей. Они не смогли противиться ей.

Впрочем, в Эдит невозможно было не влюбиться. В ее фиалковые глаза, вспыхивающие подобно глазам ребенка, сохранившего веру в чудо... В ее улыбку, то смущенную, то ироничную, то ослепительную... В ее смех, торжествующий, заразительный, заполняющий хриповатыми, гортанными переливами все пространство вокруг этой хрупкой маленькой женщины...

Перед Эдит не мог устоять никто: ее очарование оглушало и сметало, как ураган. Она была звездой первой величины в зените славы, Тео увидел в первую очередь женщину. И влюбился. Больше того – попросил стать его законной женой.

Было далеко за полночь, вернее, почти утро. Они находились вдвоем в ее будто вымершем салоне, похожем на вокзальный перрон, откуда поезд только что отошел. Неизменная «свита», так необходимая Эдит, панически боявшейся

оставаться одной, улетучилась.

Закончив триумфальную серию концертов и турне ценой нечеловеческого напряжения сил, Эдит снова почти не выступала. А окружавшие ее обычно «стервятники» собирались вокруг нее, чтобы кутить ночь напролет, поглощая в несметных количествах икру, шампанское, устриц... Когда поживиться было нечем, Эдит оставляли все, кроме нескольких самых верных друзей. Тео теперь входил в их число.

– Ты с ума сошел! Ты же совсем мальчишка, я почти в два раза старше, – нервно хохотнула Эдит, застигнутая врасплох, не ожидая подобного. И вмиг осеклась, испугавшись, что может обидеть.

– Это не имеет значения. Для меня ты родилась в день, когда я тебя увидел, – твердо возразил Тео.

– Хорошо, я подумаю... – она произнесла без убежденности, стараясь, чтобы ее слова прозвучали как можно мягче. В глазах застыло неверие: «Не может быть. Так не бывает. Это какая-то шутка». Но Тео был непривычно серьезен. Предложение прозвучало буднично, неумело даже, и не было обставлено с подобающей случаю помпой. Эдит отвернулась, скрывая смятение, и принялась машинально перекладывать ноты на зеркально-черной крышке рояля.

– Куда могла подеваться мелодия, которую два дня назад принес Франсис Лей к тексту Ньеля? Нужно немедленно вызвать Франсиса, мне не все нравится, – не поднимая глаз от множества лежащих в беспорядке листов, раздраженно про-

бурчала Эдит. И продолжила, распаяясь: – Ничего невозможно найти! Здесь кто-то хоть раз наведет порядок?! Где, черт возьми, этот дурачок Фигюс? Я думала, у меня есть секретарь! До сезона в «Олимпии» осталось каких-то три месяца, а я едва начала компоновать новый репертуар.

Тео подошел к ней со спины, обвил рукой – ему пришлось немного согнуть ноги в коленях, как он делал всегда, чтобы обнять ее, – намертво притиснул к себе. Второй рукой взял из стопки верхний лист, подал и спокойно произнес:

– Эдит, она у тебя перед глазами.

Эдит отложила нужную партитуру в сторону, обернулась к нему и зарылась лицом в грудь, еле слышно пробормотав:

– Видишь, как со мной непросто?

Тео наклонился, прильнул губами к ее макушке и принялся молча гладить ладонью волосы, спину, все так же крепко ее удерживая. При этом он блаженно улыбался, отчаянно борясь с желанием подхватить нахохлившуюся Эдит на руки, словно ребенка. Песню «Право любить», о которой шла речь, она уже накануне ему напела. Финальными там были такие строки:

Перед лицом людей,
Наперекор их законам,
Никогда ничто и никто
Не помешает мне любить...
Тебя любить...
Быть любимой...

Эдит медлила с ответом месяц. Все это время она непрерывно терзала себя сомнениями, забывая о них, только когда пела. О ее метаниях он узнал позже. Тео не торопил, оставался естественным и вел себя с ней, как прежде, с неизменными заботой и предупредительностью. Будто ничего из ряда вон выходящего не произошло. В конце концов Эдит дала согласие. Семья Тео приняла его выбор.

9 октября 1962 года они вышли из машины у мэрии XVI округа Парижа. Тео придерживал Эдит за плечи, заслоняя собой от толпы, которая окружала его и ее вышедшим из берегов бескрайним морем. Тысячи желающих видеть их свадьбу, казалось, вот-вот сметут... Тео с Эдит едва смогли пройти. Но ему не было страшно: эти люди тоже очень любили Эдит, пусть иначе, чем он. А в случае чего он был рядом, он бы справился, ничего плохого случиться с ней не могло. То был их день, день безмерного счастья, день «Жизни в розовом свете»².

Они поднялись в зал для церемоний, осаждаемые полчищем репортеров. Сам зал Тео запомнил плохо: беспрестанно то с той стороны, то с этой сверкали вспышки фотоаппаратов и слепили глаза.

Да и видел он одну Эдит. Такую непохожую на новобрачную в простом черном шелковом платье сродни монашескому облачению, как и те, что были ее неизменным атрибутом

² Название одного из хитов Эдит Пиаф.

на сцене. С непреременным крестиком на груди. Иной наряд на ней – крошечной, исхудавшей, изможденной бесчисленными недугами – даже в такой день показался бы только нелепым. Но непостижимым образом Эдит была невероятно красива.

Подошла мать Тео, тоже в черном, позволив себе из украшений лишь нить крупного жемчуга. Эдит прижалась к ней, почти вцепилась, будто боясь, что отнимут, как делают малые дети, и долго не отпускала. Лицо Эдит при этом буквально лучилось. Никогда ни у кого Тео больше не видел такого лица! И мать – элегантная, статная, на целую голову выше и на полгода моложе – обняла ту, что вот-вот должна была стать ей невесткой, и ласково поцеловала в лоб.

Наконец все расселись. Мать, отец и младшие сестры Тео Кристи и Кати, счастливо улыбаясь, заняли места позади Тео с Эдит. Он удерживал своей ручищей ее искореженную ревматизмом ручку бережно, как если бы та была из тончайшего фарфора.

– Довольно! – звучный грудной голос, который не спутать ни с каким другим, адресованный прессе, взмыл к сводам зала. – У вас уже сто тысяч фото, дайте мне, наконец, выйти замуж!

И «да» Эдит произнесла очень твердо, отчетливо. А его собственное почти потонуло в окружающем гаме. Хотя еще утром Эдит запаниковала, бросилась на кровать, захлебываясь слезами. Сдерживаемое и тщательно скрываемое от него

напряжение вырвалось наружу истерикой: «Я не имею права портить тебе жизнь!». К тому же решила, что будет выглядеть смешной и жалкой в глазах публики, и хотела все отменить.

Тео ей не позволил. Поднял, развернул к себе, взял в ладони мокрое от слез лицо и, пристально глядя в глаза, стоял на своем. Потому что сам не имел и тени сомнений в том, что именно эту женщину хочет видеть женой и дать ей свое имя. Но когда произносил свое «да», от волнения голос дрогнул, Тео совсем не привык к такому вниманию со стороны праздных любопытствующих. Ему просто была нужна Эдит.

Мэр, совершенно ошеломленный происходящим, – его ратушу еще никогда не брала штурмом такая уйма народу – объявил их мужем и женой. Тео нерешительно коснулся губами щеки Эдит, не осмелившись на большее под пристальным оком бесчисленных камер. В ответ Эдит без тени замешательства, как если б они были совершенно одни, обеими руками обняла его за шею, наклонила к себе и несколько раз с жаром поцеловала в губы.

Великая Пиаф... Таковой она была для тех, кто толпился в ту минуту под стенами мэрии, готовый смести даже кованую ограду вокруг здания, прорываясь сквозь кордон полицейских. Тех, кто скандировал: «На балкон! На балкон!» – требуя, чтобы они показались, как королевские особы. Таковой была и осталась для миллионов людей не только Фран-

ции, но и мира. Для него же – когда-то о подобном невозможно было даже помыслить, но это случилось – она была просто «его Эдит».

И он был готов не только любить ее, но беречь и защищать ото всех и всего. Так, как поклялся чуть позже в этот же день, когда греческий священник возложил на их головы венцы по православному обычаю и совершил обряд, навечно скрепивший их союз. Дождь из белоснежного риса «на счастье» посыпался на них из рук Кристи и Кати, когда Тео с Эдит выходили из церкви.

Любить ее Тео мог, этого у него было никому не отнять. Мог защищать, спуская с лестницы особо нахальных журналистов и разогнав толпу псевдодрузей, на деле же просто нахлебников. С появлением Тео в жизни Эдит, которая много лет жила «на чемоданах» в полупустой съемной квартире, где был рояль, но почти не было мебели, впервые появилось подобие домашнего очага: постельное белье в тон, скатерти, красивый сервиз... Тео как бы невзначай брал все на себя, в том числе и эти бытовые мелочи, о которых она, родившаяся и выросшая на улице, думать не привыкла.

А вот сберечь саму Эдит было не в его власти. Он был благодарен судьбе за их короткое счастье, насквозь пропитанное ее безудержным смехом. И все же этого было невероятно мало.

Эдит как-то призналась:

– Знаешь, женщине в жизни не нужно много мужчин, до-

статочно одного. Просто я не сразу нашла тебя. Я слишком долго тебя искала...

Последнюю фразу она произнесла с сожалением, граничащим с обреченностью.

Безоблачным тот год назвать было трудно. Эдит знала, что ей оставалось совсем немного, не знала лишь сколько. И срывалась от собственной немощи, которая то отступала, то вновь накрывала ее с каждым разом сильнее. А ему случалось плакать. Не от обиды на нее за эти срывы – бурные, резкие и, возможно, очень несправедливые. А от неумолимо надвигающегося неизбежного и от собственного бессилия что-либо изменить. Он плакал тайком, чтобы не видела она.

Однажды Эдит даже заговорила о разводе. И это тоже было от беспомощности и нежелания быть обузой ему. С мягкой непреклонностью он прекратил разговор, не дав ему дойти до логической точки.

Несмотря на внешнее добродушие, в характере Тео был стальной стержень. Он вовсе не был ни мямлей, ни подкаблучником, каковым его выставила пресса. Только перед Эдит он был безоружен

Эдит была для него всем: женой, возлюбленной, другом, наставником. А он, как мог, старался стать всем для нее, понимая, что не сможет стереть ее прошлое, в котором, несмотря на радости, было слишком много невзгод. Но без этого прошлого она и не пела бы так, как пела она одна.

Пигмалионами самой Эдит были Луи Лепле, увидевший

ее случайно на улице, когда она пела, срывая голос, и предложил первый настоящий контракт... Жак Буржа, открывший ей глубины литературы и философии, с которым она, недавняя уличная певичка, проводила часы в таверне в Шеврезе, неподалеку от аббатства Пор-Руаяль-де-Шан, вдали от городского шума «в компании» Паскаля, Расина, Ронсара, Платона... Раймон Ассо, сделавший первую огранку ее мастерства, которое она затем совершенствовала всю жизнь...

Она в свою очередь стала Пигмалионом для Монтана, Азнавура, Беко... И с Тео сыграла привычную роль.

Он столько раз присутствовал при рождении ее песен. Это было сродни волшебству! Эдит была музой своих авторов и «создавала» под себя даже те песни, которые не писала сама. Один из ее композиторов садился за инструмент, что-то наигрывал... Мелодии как таковой еще не было. Если Эдит угадывала в нотах «свою» песню, то принималась подпевать... Заставляла сыграть еще, еще, еще... Ее голос креп, глаза загорались, она подзывала поэта, тот предлагал первый вариант слов, Эдит что-то меняла... С каждым новым повтором будущий хит обретал форму. Эдит преображалась, срабатывала «магия Пиаф».

Та самая, которая затем в концертном зале поднимала в едином порыве зрителей с кресел и заставляла устраивать ей овацию на пятнадцать минут еще до того, как Эдит издаст первый звук. Следовал короткий жест руки, публика враз замирала, чтобы снова взорваться неистовыми криками «Бра-

во!» и «Еще одну!», едва смолкнет ее голос, и стихнут последние аккорды.

Мистика, не поддающаяся осмыслению. Голос Эдит разливался по залу, как океан, и проникал каждому прямо в сердце. Она несла к ногам зрителя свои страдания, душевные и физические, а взамен забирала их беды.

Даже когда почти не было сил, врачи запрещали ей выходить на сцену и друзья пытались ей помешать, советуя себя поберечь... Эдит яростно отталкивала удерживающие ее руки и страшно кричала: «Пустите, я умру, если не буду петь!» Ей вкалывали обезболивающее, и она шла к ним, своим зрителям.

Тео она тоже решила сделать певцом.

– Парикмахер? Не смеши меня! Ты стоишь большего, хоть окончил бизнес-школу и со временем мог бы стать владельцем салона отца, – рокочущий, беззлобный смешок Эдит на корню отмел возможные возражения.

«Я люблю Тео, он любит меня, мы любим друг друга... это единственная известная мне логика, единственный глагол, который я умею спрягать на память и во всех временах. И именно поэтому... только поэтому мы любим друг друга!» – она держала ручку непослушными пальцами и нетвердым почерком долго выводила этот короткий текст.

Каждое движение пера должно было отдаваться в ее суставах болью, описать которую смог бы разве что узник застенков инквизиции, «примерявший» испанские сапоги. Как бы

Тео хотел забрать себе ее боль! Если б мог... Вместо этого делал вид, что не замечает, как она кусает губы и все равно пишет, хотя его горло сжимали спазмы.

Меж ними сам собой сложился молчаливый устой: Тео не препятствовал, когда она решала делать что-то сама, но чуток ловил момент, когда без помощи будет не обойтись, чтобы деликатно вмешаться. Так же как незримо стоял у нее за спиной, скрытый от зрителей задним занавесом, готовый подставить руки, если только она пошатнется на сцене.

Эдит закончила подпись под их фотографией и изрекла:
– Тебе нужен сценический псевдоним! Теофанис Ламбукас – этого простым французам не выговорить. И не запомнить. Об американцах молчу! А тебя ждет мировая слава... Не спорь! Мне лучше видно, на что ты способен...

Она окинула его взглядом, хитро прищурилась и прибавила:

– По-гречески я знаю только, как будет «я тебя люблю» – «сарапо»³! Решено, ты будешь Тео Сарапо. Не допущу, чтобы завистники звали тебя «Месье Пиаф», я оставлю тебе в наследство твое собственное имя. Его будут знать все!

Эдит спешила, стремясь скорее вытолкнуть его на недосягаемую высоту. Тео работал, как каторжный. Но успела она так мало и так много одновременно. Сама написала ему

³ Греческое «Σ αράλό» по-русски должно было бы писаться «Сагапо». Но поскольку в данном случае речь идет об имени собственном, оно зафиксировано в написании, основанном на французской транскрипции.

несколько песен, а песню на слова и музыку Мишеля Эмера «Зачем нужна любовь» стала исполнять с ним дуэтом: Тео задавал вопросы, она отвечала и пела, что он «последний и первый, до него не было ничего».

2. «Дом, что больше не поет»

Она умерла на юге Франции, куда Тео увез ее отдыхать и поправляться после очередной госпитализации, ровно через год и один день после их свадьбы. Еще накануне она, казалось, была в прекрасной форме, шутила, строила планы о гастролях с ним в США... А на следующий день у нее случилось кровоизлияние в мозг, ставшее фатальным.

Врач, выписавший заключение о смерти, после сказал, что здоровым было только сердце. Ирония судьбы: сердце Эдит, столько раз разлетавшееся на куски и в жизни, и на сцене, оказалось единственным здоровым органом в ее изношенном теле.

Ничто не предвещало трагедии, и Тео уехал по настоянию Эдит в Париж на съемки своего первого фильма. Ему удалось вернуться лишь к вечеру, когда ее сердце уже перестало биться. Если б только он был рядом, он бы удержал ее на этом свете, он бы не дал ей уйти! Обхватил своими огромными руками и не отпустил...

Вместе с сиделкой Эдит и ее импресарио Луи Баррье Тео спешно организовал тайную перевозку тела в Париж. «Парижский воробышек»⁴, голос всей Франции, мог умереть только там. Публика Эдит должна была получить возмож-

⁴ Псевдоним «Пиэф» (piaf) на парижском аргю значит «воробей».

ность проводить ее в последний путь.

Тео набрал номер парижской квартиры. Трубку сняла сестра.

– Кристи, Эдит умерла. Не отвечай. Просто слушай. Иначе не смогу говорить, – Тео бегло бросал короткие фразы. – Мы везем ее в Париж. Жди. Погаси свет. Журналисты могут рыскать у дома. И не должны догадаться.

Они подъехали со стороны черного входа на исходе ночи. Сад позади дома был окутан саваном темноты. Тео поднял на руки застывшее, как у сломанной куклы, тельце и понес, изо всех сил прижимая к себе. Понимая, что скоро у него не будет и этого. Впереди шла Кристи и вела брата за руку, чтобы тот не споткнулся. Когда Тео опустил Эдит на кровать, его сомкнутые пальцы пришлось разжимать по одному.

О смерти Пиаф объявили 11 октября 1963 года. Тео сам причесал ее и сделал макияж. Как обычно. Но в последний раз. И остался сидеть у гроба, уронив на руки голову. Мимо шла нескончаемая вереница людей. Он просидел в той же позе три дня, пока длилось прощание, ненадолго забываясь сном.

Все пытался осознать, что Эдит больше нет, и не мог. Она столько раз обманывала смерть: ее «хоронили», а она воскресала и вновь выходила на сцену. Неужели все? Чуда больше не будет?

Тео заведомо знал, что их брак не продлится долго. Отчего же так больно? Можно ли было к этому подготовиться,

привыкнуть заранее? Если б у них был еще год, месяц, день? О, это было бы благом! Но стало бы ему легче?

Бог мой! Бог мой! Бог мой!

Оставь любимого еще чуть-чуть со мной...

Шесть месяцев, три месяца, пусть два...

На месяц лишь оставь его, молю тебя!

На время, чтоб закончить... Чтоб начать...

На время, чтоб зажечься иль страдать...

Исполняя этот шедевр⁵, Эдит возносила мольбу, просила взглядом, изливала душу, торговалась с Богом, упрашивала дать ей отсрочку, как обычная женщина. Взывала, простирала руки к небу, как священник отправляющий мессу.

Наверное, Тео не умел молиться так истово. Да и итог все равно был бы тем же.

На похороны Эдит собралась полумиллионная толпа. Тео отныне был одинок.

Катафалк, утопающий в цветах, как и вереница следуемых за ним автомобилей, пересек весь Париж, где впервые для такого случая перекрыли движение, и остановился у ворот Пер-Лашез. Дальше нужно было идти пешком. Тео, поддерживаемый под руку Луи Баррье, запинаясь ногами о камень брусчатки, шаг за шагом поднимался вглубь кладбища, как на Голгофу. Там его сердце опустилось в могилу вместе с гробом Эдит.

⁵ Песня «Бог мой».

Но его крестный путь на этом не завершился.

Тео погрузился в прострацию. Не реагировал, когда к нему обращались, словно здесь присутствовала только его оболочка. Сам он находился то ли там, куда ушла от него Эдит, то ли в их общем прошлом. Слез не было.

Он бесцельно бродил по квартире, не знавшей тишины, которую постоянно взрывали пение, смех, голос Эдит, даже когда пропадали друзья. Теперь тишина здесь оглушала.

Все осталось на прежних местах. Взгляд Тео задерживался на одной из вещей, – воспоминания тут же накатывали хаотичными волнами.

Плюшевого медведя невероятных размеров Тео подарил Эдит на Рождество, зная ее любовь к мягким игрушкам. Тео отыскал в магазине самого огромного, чтобы он один заменил ей всех тех, которых она была лишена в детстве.

– Да он ростом с меня! – восторженно ахнула Эдит, когда он явился домой с медведем подмышкой и едва протиснулся в двери. При росте Эдит в 1 метр 47 сантиметров было не удивительно, что она оказалась едва ли не меньше игрушки. Сейчас медведь сидел неприкаянный в кресле, завалившись на бок.

Тео перевел взгляд на прикроватную тумбочку. Незаконченная вышивка осталась лежать рядом со статуэткой святой Терезы. С этой святой у Эдит была особая связь, длившаяся всю жизнь.

Как-то утром, после того как Эдит согласилась выйти за

него замуж, она объявила:

– Собирайся! Мы едем в Лизье, в Нормандию, просить святую Терезу благословить наш союз!

Сидя в машине на заднем сидении рядом с Эдит, Тео слушал удивительный рассказ.

– Совсем маленькой я подхватила кератит и почти что ослепла, на четыре года... Зрение заменил слух. Я научилась слушать, потом пригодилось для пения. Мать бросила меня после рождения, отца мобилизовали... Пришлось отвезти меня к бабушке. Она владела небольшим борделем. Не волнуйся, я все равно ничего не видела! И у меня, помимо бабушки, появилось сразу пять очень любящих «мам», – рассмеялась Эдит.

Тео притянул ее к себе и чмокнул в висок. Он не волновался, он онемел. Эдит продолжала:

– Врачи прописали какие-то мази, примочки... Ничего не помогало... Тогда бабушка закрыла свое заведение, взяла меня, «девушек» и повезла молиться святой Терезе. Зрение вернулось! Святая Тереза даровала мне чудо и с тех пор оберегает. Она никогда меня не осуждает, она милосердна.

Так вот почему, как сказал поэт, у Эдит на сцене были «глаза слепца, который только что обрел зрение»! Это не было просто красивой метафорой.

Выходя из машины, Эдит достала из сумочки темные очки, надела. Повязала платок, не как звезды, а совсем по-деревенски. Тем, кто увидел бы ее сейчас в нем и простень-

кой кофточке, в голову не пришло бы, что перед ними сама Пиаф!

Они спустились в склеп базилики. В раке за решеткой из металлических прутьев и частоколом высоких зажженных свечей лежала статуя молодой девушки в монашеском одеянии. На голове у нее был венок белых каменных роз, золоченую розу она держала в руке. Пол вокруг был уставлен вазами, полными роз живых, и устлан пестрым ковром лепестков.

Тео помог Эдит преклонить колени и стал рядом. Она скрестила перед собой пальцы обеих рук, прижалась к ним лбом, вполголоса страстно заговорила:

– Святая Тереза, позвольте представить вам Тео. Мы любим друг друга. Подарите мне немного этого счастья, я так долго его ждала! И после... прошу, не оставьте Тео...

Тео сотворял молитву вслед за Эдит. Мир остался где-то далеко за пределами сумрака склепа. Осязаемыми были только девушка в раке с умиротворенным лицом, тонкий аромат роз, смешанный с запахом оплывшего воска, слабое потрескивание свечей и завораживающий голос молящейся Эдит. Все иное для Тео в тот момент перестало существовать.

Свою веру Эдит не афишировала. Она предпочитала общение с Богом и своей покровительницей наедине, вне церковных обрядов, и газеты о том не писали. Но глубина и искренность веры Эдит давно поражала Тео. Ежедневно перед

сном она молилась в спальне. Всегда на коленях, как бы ни была слаба. Когда не могла стать на колени сама, требовала помочь, не слушая ничьих возражений.

Не выходила на сцену без крестного знамения и поклона, более или менее глубокого, в зависимости от состояния. Всегда носила на шее крестик... Во время поездки в Лизье Тео узнал, откуда брала начало вера Эдит.

* * *

Маленький «воробышек», который пел, как «сто десять тысяч птиц с окровавленным горлом», а вырезку из бульварной газеты мог бы исполнить, как «стихи Аполлинера»⁶, навеки умолк. Тео остался.

Дни потянулись, похожие один на другой. На Тео обрушилась лавина пасквилей на передних полосах «желтой» прессы, где подсчитывали, насколько его обогатил брак с Пиаф. Журналисты досаждали требованиями интервью, Тео не соглашался. И, чем больше молчал, тем нелепее становились догадки. Типографские чернила текли рекой.

Недостатка в желающих дать оценку их браку не было с самого начала. Но Тео было не до суетного мира. Он посвящал себя тяжело больной жене и жил словно в башне из слоновой кости.

⁶ Из песни Лео Ферре «Умершей певице», посвященной Пиаф.

Меж тем газетные писаки превратили его личную жизнь в низкопробную «мыльную оперу», отнюдь не забавную. Напоминавшую песню Эдит «Общественное мнение»:

Говорят, что он...
Говорят, у него...
Говорят, он сделал...
Сделал это, сделал то.
И сказал вот то...

Оставшись один, Тео какое-то время по-прежнему всего этого не замечал. Но уйти от действительности непросто, она обладает свойством наступать.

Близилось Рождество. Прошлогоднее было в жизни Тео самым счастливым: в декабре они выступали с Эдит с концертами в голландском Неймегене, а праздники провели с его родителями и сестрами. Эдит очень нравилось бывать у них дома, где у нее впервые в жизни появилась настоящая любящая семья.

А вот таких рождественских «подарков», как в этом году, Тео предпочел бы никогда не получать. Хотя все было ожидаемо: он был осведомлен о «несметных богатствах» будущей супруги, когда делал Эдит предложение. А в последний год она много болела, лечение обходилось недешево, и положение дел стало еще хуже. Тео об этом не думал. Он вообще не мог думать. Только вспоминать.

В один из дней, когда парижане были захвачены пригото-

лениями к праздникам, раздался телефонный звонок. Тео ответил и услышал голос Луи Баррье.

– Тео, я виделся с нотариусом. Мне необходимо ввести тебя в курс некоторых финансовых аспектов. Когда я могу прийти?

– Когда пожелаете, Лулу.

Эдит часто использовала уменьшительные имена для своего окружения, и Тео привык называть Луи, как она. Баррье был не просто ее импресарио, но и преданным другом на протяжении около двадцати лет.

– Сейчас буду.

Луи застал Тео в салоне, где тот сидел на выдавшем виды диване неопределенного цвета, предположительно, в прошлом «королевского синего», и разбирал почту. Баррье расположился в кресле, таком же потертом. Когда он озвучил общую сумму долгов Эдит, Тео продолжил отрешенно вскрывать конверты и пробегать глазами их содержимое.

– Тео, ты меня слышишь? – переспросил Луи, озадаченный его апатией.

– Прекрасно слышу, Лулу. Сорок миллионов франков, – медленно проговорил Тео безразличным тоном.

– Это баснословные деньги! Для тебя будет разумным не принимать наследство.

– Нет, – последовала короткая реплика, лишённая какого-либо выражения.

– Тео, прости, не уверен, что понял тебя...

– Я не откажусь от наследства Эдит, – на этот раз голос Тео звучал твердо, но произносил он почти по слогам. Длинные фразы давались с трудом.

– Мне кажется, ты не вполне отдаешь себе отчет в ситуации. Зачем ты взваливаешь на себя эту ношу? Недвижимости у Эдит нет. Картин, антиквариата тоже. Продать нечего. Рояль и тот арендован. Она не умела копить! Откуда ты возьмешь средства? Если откажешься, тебя никто не осудит. Даже она не осудила бы.

– Знаю. Но я не предам память Эдит. Я все выплачу. Она должна быть свободна от этого груза «там», – произнося эти слова, Тео медленно рвал бумагу, которую вынул из очередного конверта и на которую едва взглянул.

Баррье обеспокоенно посмотрел на собеседника, словно сомневался в его душевном здоровье. Нагнулся и поднял клочок, который, кружась, спланировал к его ногам. Достаточно большой, чтобы можно было разобрать написанное. Это было предложение продать с аукциона одно из платьев Пиаф.

– Тео, может, следовало согласиться? Тебе сейчас нужны деньги...

– Я не продам ни одной вещи Эдит.

Луи вздохнул и добавил после паузы:

– Я организую тебе концерты. Не в Париже, конечно. Где-нибудь в провинции.

– Публика будет ждать от меня песен Эдит. Я не смогу.

– Не спорю, репертуар у Эдит сложный. А у тебя мало опыта. Но можно что-то подобрать. «Зачем нужна любовь», «Жизнь в розовом свете» тебе вполне по силам...

– «Жизнь в розовом свете» в моем исполнении прозвучит сейчас особенно воодушевляюще, – криво усмехнулся на миг Тео и повторил упорно, словно во сне: – Лулу, я не смогу петь ее песни.

– Пой свои! Те, что написала для тебя Эдит. Тео, очнись! Она столько сил в тебя вложила! – обычно спокойный Луи начал терять терпение, не зная, как растормошить своего визави.

– Дайте мне немного собраться с мыслями, – сдался Тео. – Полагаю, вопрос мы так или иначе будем решать после Нового года? Счастливого Рождества, Лулу!

– Ты поедешь к семье?

– Нет, хочу побыть здесь один.

Тео поймал на себе новый встревоженный взгляд Луи и устало покачал головой:

– Не переживайте. Я не собираюсь накладывать на себя руки: в этом случае я никогда больше не встречу с ней.

* * *

В самый канун праздника пришло извещение о задолженности по аренде квартиры с требованием освободить жилье. Тео почувствовал, что ему не хватает воздуха, и решил пройтись

тись. Выйдя на улицу, он неспешно пошел по бульвару Ланн. Дежуривший у дома репортер сделал пару кадров на всякий случай и быстро отстал, поняв, что сенсации сегодня не предвидится.

Бульвар был привычно пуст: обитатели этого богатого буржуазного района тут не прогуливались. Здесь не было ни супермаркетов, ни бутиков... Вдоль тротуара – только сплошные металлические ограды с запертыми калитками, ведущими в дома с дорогими квартирами. Как та, из которой он только что вышел, и которую вскоре ему предстояло оставить.

Безлюдье улицы Тео не смущало. Встречать прохожих ему как раз не хотелось. Он был опустошен. Бессилен сохранить даже квартиру Эдит, где был так счастлив с ней без малого два года.

Погода была на удивление рождественской для Парижа с его мягким климатом. Стоял легкий морозец. Мелкий снег неслышно сыпался с неба. Мягко подкрались сумерки, на улице медленно зажглись фонари. Редкая снежная сетка заискрилась в их свете. Снежинки опускались на черные волосы Тео, черный драп пальто, таяли, соприкоснувшись с кожей... Он чувствовал и не чувствовал. В голове зазвучали сказочные переливы арфы, их сменил завьюженный голос гобоя вступления песни Эдит «Уличное Рождество».

В центре столицы сейчас кипела жизнь. Универмаги наводняли толпы тех, кто, как всегда, спохватился в последний

момент и теперь запоздало рыскал в поисках подарков. Яркие праздничные витрины призывно манили, сверкая феерией тысяч огней. Но туда не тянуло. Там все было, как в песне, которую слышал сейчас Тео:

Свет и радость —
За витринами магазинов
Ни для тебя, ни для меня,
А для нашей соседки.

Стемнело. Снег прекратился. В просветах между облаками стали проблескивать звезды. А в ушах Тео все стоял звучный бархатный голос Эдит на фоне церковного хора и перезвона колоколов:

Рождество на улице
Означает, что в небе их жизни
Спит звезда,
Которая к ним не спустилась.

Звезда Тео поднялась высоко в небо, чтоб остаться там навеки. Он вернулся домой. Прошел к столу. Спешно отыскал блокнот, ручку и принялся записывать идеи для песни. Через несколько дней с помощью одного из авторов когорты Пиаф родилась песня «Дом, что больше не поет»:

Я сомкну свои руки, как клетку,
Вокруг птицы с широких просторов.

Счастье меняет свой адрес.
На земле все молчит.
Я покину дом,
Дом, что больше не поет.
И моим единственным горизонтом
Навсегда станет незнакомый мир.
Я покину дом,
Дом, что больше не поет.
Я закрою на двойной замок
Большую дверь за ней
И нашей любовью.
Слишком много воспоминаний,
Криков и смеха,
Слишком много радости и жизни,
Слишком, чтобы я мог забыть.
Я покину дом,
Дом, что больше не поет.
И моим единственным горизонтом
Навсегда станет незнакомый мир.
Не говорите мне больше об осени,
Когда улетели все птицы,
Когда в небе звонит колокол,
Играя последнюю симфонию.
Нужно смириться
И отряхнуть скорбь с плаща.
Дом вновь запоеет.
Мы встретимся вновь,
Мы встретимся вновь.
Завтра...

В промежутке между праздниками Луи Баррье организовал Тео запись сингла с этой песней. Тео собрал вещи Эдит и перевез на юг к супругам Бонель, аккордеонисту и секретарю Пиаф.

3. «Забери меня далеко-далеко отсюда»

(Строка из песни Эдит Пиаф «Забери меня».)

Тео согласился дать серию концертов в Провансе. Турне стало едва не провальным. Песни Эдит, которые хотели слышать зрители, он петь так и не смог. А его собственный репертуар был мало кому интересен.

В ореоле Пиаф Тео был почти звездой. На нем держалось первое отделение, а когда он исполнял с ней их дуэт, в оглушительном шквале криков «Эдит!» нет-нет да и звучало его имя. Ему этого было достаточно, главным для него был ее триумф, он так дорого ей обходился! На концертах она сжигала себя, как свечу, подоженную с обоих концов.

Теперь Тео выходил к публике один на один. Без поддержки Эдит, без ее советов... Пока она была рядом, ее присутствие придавало ему решимости. Она не просто верила в его талант и грядущий успех, она была в них убеждена. И заражала его. Без нее к нему быстро пришло понимание, что певец он начинающий и к сольным концертам еще не готов, а поблажек ему делать никто не собирался. Даже в память об ушедшем кумире, которого он и не пытался собой заменить.

Меж тем скандальная пресса окончательно слепила в общественном сознании образ последнего «Месье Пиаф», сла-

бохарактерного, но корыстного. До того, кем Тео был в действительности, дела не было никому. На его концерты шли не для того, чтобы послушать его голос, которым Тео к тому же владел пока не вполне уверенно. Шли, чтобы узнать, что в нем нашла великая Пиаф.

Тео стоял, ослепленный огнями рампы, перед погруженным во мрак залом, от этого лишенным лиц, анонимным, но живым и дышащим. По рядам то и дело прокатывалась волна смешков и перешептываний. Слов было не разобрать, но нетрудно представить: «Как не совестно! Воспользоваться доверием умирающей женщины. Слышали, теперь у него и вилла на Лазурном берегу, и счет в банке на кругленькую сумму. Интересно, зачем ему петь? Да и певец из него так себе!» Не свистели, и на том спасибо.

Он не сдался и отработал сполна все заявленные концерты. Каким бы ни было отношение публики, как бы ни хотелось ему порой бежать со сцены прочь. Это была еще не победа, но и не поражение.

Однако вскоре для Тео и вовсе стало невозможным петь во Франции: на выручку сразу накладывался арест. Музыкантам платить было нечем. Разве что из собственного кармана. А тот был пуст. К счастью, Баррье удалось подписать для Тео контракты на гастроли за рубежом, где не читали французских газет. Потому приходили послушать певца, а не полюбоваться на последнего мужа Пиаф.

Тео погрузился в работу. Совершенствовал технику. Стал

выплескивать боль в песнях. Его исполнение приобрело глубину, стало правдивым. Публика это чувствовала.

Время от времени друзья уговаривали его отвлечься. Возили на отдых, знакомили с девушками. Тео не отказывался. Но забыть Эдит не получалось.

Бывая в Париже, он шел на кладбище к ней. Всегда заходил в лавку напротив центрального входа и даже не смотрел на многообразие выставленных там цветов и траурных венков.

– Здравствуйте, месье Сарапо! Ваши цветы доставлены, – неизменно приветствовала его хозяйка, извещенная о его приходе заранее, и выносила горшочек фиалок. Так напоминавших Тео глаза Эдит. Теперь он мог их увидеть только в синеве этих простеньких трепетных цветов. Тео благодарил грустной улыбкой, молча расплачивался и нес фиалки Эдит.

На Пер-Лашез он чувствовал себя в большей степени дома, чем где бы то ни было. Да и не было у него больше дома.

Образ Эдит часто присутствовал в его новых песнях. С Тео продолжали работать многие поэты и композиторы Пиаф, привыкшие творить для нее по «индивидуальным лекалам». И песни для Тео создавали под него. Так появилась «Вернуться в Грецию»:

И время проходит,
А я остаюсь здесь,
Потерявшись в толпе,
Которая не понимает.

Ничего, ничего не поделать,
Ничто не достаточно велико
На всей земле,
Где я всюду слышу
О той утраченной любви,
Которую мы нашли.
Ту потерянную песню,
Которую мы пели.
Зачем нужна любовь?
Любовь не нужна совсем,
Если на несколько радостей
Столько горестей.

К началу 1970 года Тео выплатил все долги Эдит. Это было истинным облегчением. Он это сделал, он смог!

Тео вернулся во Францию и начал снова выступать там. Его стали приглашать на телевидение. В одной из передач Тео публично объяснился и рассказал об истинном положении вещей. Травля в прессе сошла на нет.

За шесть с половиной лет, прошедших с момента ухода из жизни Эдит, Тео превратился в профессионала. С ним стали сотрудничать популярные авторы, для него написал несколько песен Шарль Азнавур, не забывший, чем обязан Пиаф. В репертуаре Тео теперь были и веселые песни, но грустных оставалось больше. И тема Эдит в них нет-нет да угадывалась.

В жизни Тео появилась Жаклин, хорошенькая белокурая

диктор телевидения. Они стали жить вместе. Казалось, все налаживается. Но пустота в его душе не заполнялась, а глаза оставались потухшими.

* * *

28 августа 1970 года Тео проснулся в отеле в Лиможе, где проходили его гастроли, со странным чувством, что день будет особым. Оставался один концерт. Последний. А поздно вечером после концерта Кристиан отвезет его машиной в Париж.

В театр варьете он отправился, как обычно, загодя, собираясь немного пройтись по городу. Тео спустился к стойке администратора. Сидевшая за ней девушка приветливо ему улыбнулась:

– Всего доброго, месье Сарапо! Надеюсь, ваше пребывание у нас было приятным...

– Все было замечательно, – улыбнулся в ответ Тео своей меланхоличной улыбкой. Он оставил ключи от номера и направился к выходу.

– Месье Сарапо, – окликнула его администратор. – Вы бы взяли зонт: ночью обещали грозу и ливень. Дождь уже накрапывает.

Тео посмотрел наружу сквозь широкую стеклянную дверь, к которой как раз подошел. Улица была залита ослепительным солнцем, только-только начавшим клониться к

закату. Потоки света отражались в стеклах витрин магазинов и расцветчивали здания яркими, чуть красноватыми красками.

– Синоптики ошиблись. Я давно не видел такого чудесного солнца. Не думаю, что мне понадобится зонт, – обернулся к своей собеседнице Тео. Ему показалось, что в ее глазах промелькнуло какое-то странное выражение, но она растеряно промолчала.

В театре Тео прошел на сцену проверить все ли готово к концерту, не упуская ни единой мелочи. Так же, как делала это Эдит. Распелся. После чего удалился к себе в уборную и начал гримироваться. На столике у зеркала среди туалетных принадлежностей приютилась статуэтка святой Терезы рядом с плюшевым зайцем Эдит и ее фотографией, сделанной во время выступления. Это были его талисманы.

Вошел Луи Баррье с пачкой газет, передовицы которых пестрели изображениями Тео на сцене в окружении заголовков крупным шрифтом.

– Тео, не буду поздравлять тебя прямо сейчас – предпочитаю сделать это после концерта – но, по-моему, это успех! Стоило большого труда завоевать расположение французской публики, но тебе удалось. Отзывы в прессе восторженные! Мне уже звонил Кокатрикс с предложением, чтобы ты дал сольные концерты в его «Олимпии» этой осенью, – импресарио похлопал Тео по плечу и разложил газеты веером перед ним. При этом Тео заметил, что Луи принохивается.

– Откуда здесь запах роз? Ты разбил флакон с духами? – спросил Баррье, озираясь в поисках осколков стекла на полу.

– Нет, – удивленно ответил Тео, не понимая, почему Луи пришла в голову подобная мысль. Но тут и сам почувствовал, что в гримерной слышен отчетливый аромат. Но не искусственного парфюма, а роз, срезанных поутру и еще подернутых жемчугом росы. Плотно сжатые лепестки которых медленно раскрываются в тепле помещения, и цветы начинают расточать вокруг волнуящее благоухание.

– Это не духи... – Луи вновь окинул глазами помещение, и его пальцы вдруг впились в плечо Тео. – И здесь нет ни одного цветка!

– Я пока еще не настолько знаменит, чтобы поклонники присылали букеты перед концертом, – покачал головой Тео. И рассмеялся, охваченный необъяснимо-радостным возбуждением. – Но здесь и в самом деле пахнет несуществующими розами.

Луи, напротив, сделался очень серьезным:

– Только не сочти, что я сошел с ума, но я уже был свидетелем подобному. Перед поединком Марсея Сердана за звание чемпиона мира по боксу Эдит просила святую Терезу даровать Марселю победу. Накануне боя мы вот так же почувствовали в ее гримерке запах роз, и я тоже подумал, что разлили духи. А Эдит пояснила, что это знак, который всегда посылает святая Тереза, чтобы дать понять, что исполнит просьбу. Как ты знаешь, Сердан победил.

– Она мне рассказывала о том случае. Но то, чего хотелось бы мне больше всего на свете, исполнить не властна даже святая Тереза.

– Не торопись с выводами. Может, это Эдит просила о чем-то за тебя «там»? – Луи поднял глаза кверху. – Ну, не буду мешать, тебе скоро на сцену.

Баррье вышел, предоставив Тео готовиться к выступлению.

Тот концерт стал апофеозом его карьеры. Тео пел для Эдит. Он смог, наконец, спеть ей о своей любви так, как не умел раньше. И когда прозвучали финальные ноты песни, которой концерт должен был завершиться, овации не стихали. Тео зашел за кулисы перевести дух. К нему подошел Луи.

– Жарко! – улыбнулся ему Тео, разгоряченный выступлением. На его висках бисером блестели капельки пота, тонкими струйками стекали по щекам, вдоль шеи в расстегнутый ворот рубашки. – Лулу, они хотят, чтобы я пел еще!

– Тео, это потрясающе! Они твои! Жаль, ты уже исполнил весь свой текущий репертуар. Может, споешь какую-то песню «на бис» или что-то из более старого? Если не устал...

Тео думал не больше доли секунды. Решение пришло само, поразив своей очевидностью.

– Лулу, предупредите, пожалуйста, музыкантов, что я буду петь «Зачем нужна любовь».

Если бы в подмости у ног Баррье прямо сейчас ударила молния, наверное, он удивился бы меньше.

– Ты уверен, Тео? Последний раз ты пел ее вместе с Эдит... Все эти годы ты отказывался ее даже репетировать!

– А сегодня спою. Обе партии, свою и Эдит, – со спокойной улыбкой твердо ответил Тео. – Музыканты помнят песню, я тоже. Будет импровизация!

Луи снова с сомнением посмотрел на Тео, прошел за задним занавесом к оркестру и передал просьбу. Музыканты нерешительно переглянулись. Но Тео уже стоял на сцене. Его встретила новая волна аплодисментов. Он наклонился к микрофону и объявил:

– Песня Мишеля Эмера, которую мы исполняли вместе с Эдит Пиаф, «Зачем нужна любовь».

Публика ответила восторженным гулом. Тео кивнул музыкантам. С первыми аккордами зал смолк, затаив дыхание. Тео начал первый куплет, поразившись, насколько легко звучит голос. Он пел так, будто не было смерти Эдит и этих ужасных шести с половиной лет... Пел, как пел вместе с ней, но лучше, увереннее:

Зачем нужна любовь?
Вечно рассказывают
Лишенные смысла истории.
Так для чего любить?

Между его репликой и репликой Эдит проигрыша не было. Тео набрал в легкие воздух, не без опаски собираясь перейти к тексту, который когда-то пела в ответ она.

В этот момент один из прожекторов вдруг метнулся в сторону зала... И в конце прохода между рядами выхватил из мрака бледное лицо с высоким лбом, изящные кисти рук с длинными тонкими пальцами. Игра светом, которой виртуозно владела она одна...

Любовь не объяснить.
Это что-то такое,
Что приходит неизвестно откуда
И вдруг захватывает вас.

Голос, такой родной, заполнил собой все пространство большого зала.

Вырез в форме сердца на скромном черном платье дизайнера известного кутюрье... Знаменитый вырез нельзя было не узнать, а Тео узнал бы из миллиона...

Крошечная фигурка двинулась к сцене привычно неловкой походкой. Ее он тоже узнал моментально, и сердце бешено заколотилось.

Но когда опять настал черед петь ему, голос Тео не подвел. Он спел свою часть куплета все так же уверенно. Они обменивались знакомыми репликами: он сомневался в смысле любви, она убеждала. С каждым новым куплетом Эдит – а сомнений в том, что это она, не осталось – приближалась.

Она, которой высчитывали с точностью до нескольких сантиметров расстояние до микрофона – с таким трудом давался ей дополнительный шаг – шла сейчас под светом со-

фитов к нему. Шла, как обычно, чуть сутулясь, но без усилий, свободно... И пела!

Тео поймал себя на том, что следит за ней, шевеля губами и повторяя про себя каждое ее слово. Так, как прежде следила за ним она. Так мать следит за первыми шагами ребенка с восторгом, любовью, смешанными с тревогой: удержится на ногах, не упадет? Падать Эдит явно не собиралась, и тревога Тео постепенно сменилась чувством огромного счастья, поглотившего его без остатка. Счастья оттого, что голос Эдит звучал звонко и в полную силу, а сама она шла легко и с каждым шагом становилась все ближе. Они снова пели вдвоем!

Наконец она подошла, Тео быстро сделал пару шагов к рампе и протянул руку Эдит, помогая взойти по ступенькам на сцену. Он коснулся ее ладони, горячей, живой, настоящей! Эдит допела песню, стоя рядом с ним, держа за руку, как когда-то. Тео смотрел ей в глаза с упоением, глаза Эдит отвечали ему тем же.

Шквал оваций, казалось, сметет их со сцены. Тео сбился со счета, сколько раз занавес закрывали и вновь открывали. Зрители поднимались на сцену, дарили Эдит огромных размеров букеты. Цветы тут же оказывались в руках Тео, он уносил их за кулисы и сразу возвращался к ней.

Эдит улыбалась залу. Как обычно счастливо, благодарно, немного смущенно, глядя куда-то поверх голов зрителей, стараясь охватить всех восхищенным, лучащимся взглядом. Как всегда в такие минуты от нее исходила особая аура, пре-

вращая Эдит в ослепительную красавицу.

Тео не мог на нее наглядеться. Когда он видел ее в последний раз, она казалась лет на двадцать старше своих сорока семи лет. Теперь ее лицо – без малейших следов болезни, страданий – помолодело. Тео был так взволнован происходящим, что не мог произнести ни слова. Эдит первая вполголоса обратилась к нему. В своей манере, как ни в чем ни бывало:

– Ну, хватит поклонов, пойдем к тебе в примерку, своей у меня теперь нет. Дай знак, чтоб занавес больше не открывали.

– Ты разве не будешь петь?

– Нет, – мотнула Эдит головой, – это твой триумф, Тео. Я просто хотела разделить его с тобой.

Она увлекла его за руку за кулисы. Навстречу бросился Луи Баррье:

– Тео, ты должен петь эту песню на каждом концерте! В память об Эдит... Успех ошеломительный! Эдит не напрасно старалась.

– Конечно, Лулу, мы будем петь ее вместе с Эдит, – кивнул Тео. Луи ответил слегка ошарашенным взглядом:

– Тео, с тобой все в порядке?

– Разумеется. Мне давно не было так хорошо!

– Ладно, иди, собирайся. Я переговорю с музыкантами и еще загляну к тебе.

Луи, казалось, не замечал Эдит. Тео был обескуражен и

не знал, как спросить, почему он с ней не здороваётся.

– Тео! – нетерпеливый оклик, который Эдит сопровождала кивком головы и привычно требовательным жестом, прервал раздумья Тео. Она уже стояла в дверях его гримерной. Тео спешно вошел вслед за ней. Едва он прикрыл за собой дверь, Эдит стремительно подошла и уткнулась носом ему в грудь, как часто делала прежде, и прошептала:

– Вот мы и одни... Я рада, что мой верный Лулу с тобой, но не могла дожидаться, когда ты его спровадишь. Я так соскучилась!

Тео сомкнул руки вокруг ее плеч, пальцы с наслаждением узнавали знакомые контуры ее тела. Он обнимал Эдит, борясь с соблазном прижать ее к себе еще крепче, опасаясь, что невольно раздавит, если поддастся порыву.

– Эдит, это действительно ты! Не могу поверить, ведь ты умерла...

– В моих песнях жизнь, а жизнь умереть не может! Ты пел, что любовь не нужна... Она нужна, потому что я здесь.

– И ты не больна?

– Ты же видишь, что нет!

– Но как?

– Неважно! Важно, что мы снова вместе.

Эдит, наконец, нехотя высвободилась и опустилась на стул. Опять притянула Тео к себе, усаживая на соседний. Тео наклонился к ней, и теперь ее лицо оказалось почти на одном уровне с его собственным, он взял ее голову в руки, при-

нялся покрывать поцелуями без разбора лоб, щеки, губы... Мечтательно произнес:

– Глаза у тебя все такие же, фиалковые... Как же я их люблю!

Эдит засмеялась. Искося метнула на него быстрый взгляд, снизу вверх. Один из тех, что делали ее столь притягательной. Потупилась. Запустила пальцы в копну его вьющихся волос, игриво взъерошила и спросила:

– Как ты жил без меня, мой большой глупый мальчишка?

– Я не жил... Работал, много работал. Потому что должен был оправдать твои надежды. И не хотел, чтобы на тебе висели все эти долги.

– Да, тебя не пощадили... Зритель может быть очень жесток. Он не прощает нам обманутых ожиданий, нашей слабости, промахов... Прости, я так мало смогла тебе дать! Бросила «на растерзание львам», не успев как следует подготовить. Это я в детстве пряталась от отца в цирке шапито, где он работал, рядом с клеткой со львами. Мне они нипочем! – Эдит озорно хихикнула. – А у тебя такого опыта не было, ты рос в нормальной, любящей семье. Но у меня не было выбора: если б я не вывела тебя на сцену, тебя бы вообще никто не узнал... Прости!

– Эдит, любимая, зачем ты извиняешься? Ты дала мне больше, чем я мог вообразить в самых смелых мечтах. Моя жизнь с тобой была такой же фантастической, какой бывает только сказка...

– О! Скорее ты годился на роль прекрасного принца, у тебя для этого все данные. Я могу быть в лучшем случае Дюймовочкой, – фыркнула Эдит уже с иронией и следом пожаловалась обиженно: – Думаешь, я не замечала, как смотрят на тебя все женщины?

– В них нет и тысячной доли твоего обаяния, твоего магнетизма. Я видел только тебя, и ты это знаешь! Ты полностью изменила мою жизнь и меня самого... Заставила смотреть на вещи иначе. В той квартире на бульваре Ланн я словно второй раз родился. Я люблю тебя все так же, потому что любить сильнее невозможно!

Эдит покраснела, совсем как девчонка.

– И я люблю тебя, Тео! Очень люблю. Ты тоже знаешь... Ты лучшее, что было в моей жизни. И ты был мой! Тебя ни с кем не нужно было делить. Тебя не нужно было звать, ты всегда был рядом, – Эдит взяла короткую паузу и попросила, пряча эмоции: – Пойди, скажи, пусть мне приготовят чаю.

Тео выглянул в коридор и увидел идущего к нему Луи.

– Я еду прямо сейчас с музыкантами, а тебя отвезет Кристиан, – обратился импресарио к Тео. – Тебе что-нибудь еще нужно?

– Да. Хотел попросить кого-нибудь принести чай.

– Чай? В жару ты обычно пьешь минералку. Там у тебя в гримерной несколько бутылок «Перье». Я достал их из холодильника загодя, чтобы ты не простудил горло...

– Вы же знаете, что Эдит всегда любила чай и выпивает

по двадцать чашек за день.

– Я распорядюсь, чтоб заварили, – покачал головой Луи. – Боюсь, ты переутомился. Такие концерты, как сегодняшний, требуют большого нервного напряжения. Я проходил это с Эдит... Кристиан ждет в машине. Не засиживайся. До Парижа несколько часов езды, а тебе необходим отдых.

– Хорошо. Мы скоро тоже едем.

Тео вернулся к Эдит. Закурил, откинувшись на спинку стула, медленно выпуская белесые змейки дыма к потолку.

– Все куришь? Голос испортишь! – неодобрительно проворчала Эдит.

Тео без возражений загасил сигарету. Раздался стук в дверь, и вошла одна из ассистенток театра с подносом:

– Ваш чай, месье Сарапо...

Тео поблагодарил, взял чашку и поставил перед Эдит. А сам на этот раз уселся прямо на пол у ее ног и положил руку на спинку ее стула так, что его свисающая кисть касалась плеча жены. Он и раньше так делал: мог невзначай дотронуться до Эдит даже во время интервью, чуть отведя пальцы в ее сторону.

– Ты поешь все лучше! – заметила Эдит, с наслаждением прихлебывая чай мелкими глотками. – С самого начала ты все схватывал с поразительной быстротой. Я и тогда говорила, что ты превзошел мои ожидания. А сейчас у тебя больше драматизма, чем у Монтана. Ты мог бы стать еще одним Жаком Брелем! Правда, второй Брель не нужен, но ты вполне

способен его потеснить. Твое место в числе первых, я сразу это поняла!

– Ты часто мне снилась, – неожиданно произнес Тео безо всякого перехода, никак не реагируя на ее похвалу. – Я ждал и боялся этих снов одновременно.

– Потому что *знал, что я утром исчезну*⁷, как ты пел?

Тео понурил голову и кивнул:

– Я и сейчас боюсь, что исчезнешь...

Эдит ласково потрепала его по щеке и заглянула в глаза, Тео перехватил ее руку и прижался к ней губами. Эдит развернула его ладонь к свету, провела мизинцем по кольцу у него на безымянном пальце.

– До сих пор носишь?

– Тебя удивляет?

– Удивляет? Не знаю... – она смущенно повела плечами.

Отставила чашку. – Трогает. Мой первый брак распался, когда я случайно увидела, как Жак перед концертом снимает кольцо и кладет в карман. Таким будничным жестом, знаешь... Ему напомнила ассистентка. Я зажмурилась, чтобы не видеть и чтобы скрыть слезы. А он даже не обратил внимания, что я сижу рядом! Я поняла, он не впервые так делал... Глупо, но во мне что-то оборвалось. Мы остались друзьями, он славный. Только быть и дальше его женой я не смогла..

Тео снова коснулся губами ее руки.

⁷ Строка одной из последних песен из репертуара Тео Сарапо «Да, я хочу жить».

– Эдит, твой голос на дисках и это кольцо – самое дорогое, что у меня есть! Я ношу его всюду. Всегда...

Глаза Эдит заблестели.

– Мальчик мой... Ты совсем молод! Я очень хотела, чтобы ты был счастлив и без меня. Очень. И безумно боялась, что ты меня забудешь. Видишь, какая я эгоистка? – прибавила она виновато, не отнимая руки. – Но я была согласна ждать...

– Я не забыл! Публика тоже не забыла... – Тео сжал ее пальцы и тихо добавил, качнув головой: – Эдит, без тебя я *не* счастлив.

Эдит улыбнулась ему очень нежно. Обняла Тео за шею свободной рукой, положила его голову себе на плечо, прижалась щекой и принялась перебирать пальцами вихри его волос:

– Тео, я больше не уйду, не исчезну. Если ты этого хочешь, мы будем вместе всегда. Только...

Тео вопросительно посмотрел на нее.

– Тебе придется выбрать между сценой и мной. Это должно быть твоим решением! Я не могу... не имею права принимать его за тебя.

– Эдит, я хочу быть с тобой! Ты же знаешь, я стал петь прежде всего потому, что хотела ты...

– Но у тебя настоящий талант! Ты так мало успел. Так много не сделано...

– Без тебя мне это не нужно, – удрученно констатировал

Тео, выпрямился, глядя перед собой куда-то в одну точку, но по-прежнему не выпуская ладонь Эдит из своей.

– Тебя ждут... – предприняла последнюю попытку Эдит. Тео сразу понял, куда она клонит:

– Жаклин очень милая, но... это все не то! Я встречаю женщин и в каждой пытаюсь отыскать твои черты. Я всюду вижу тебя, только не нахожу! Это не длится долго... Жаклин заслуживает большего, чем потратить лучшие годы на мужчину, который непрестанно думает о другой.

– Хорошо. Все будет так, как ты хочешь, любовь моя! Тогда нам пора, – Эдит решительно встала, продолжая удерживать Тео за руку. Его лицо озарилось широкой счастливой улыбкой:

– Мы приедем в Париж и снимем номер в гостинице на первое время. А Жаклин я завтра же все объясню.

Эдит мягко улыбнулась и покачала головой:

– Тебе не придется... Едем!

Они вышли из театра, держась за руки. На улице Тео поднял голову. Обещанный дождь так и не начался, а в чистом безоблачном небе, сплошь усеянном звездами, сияла луна. Полог, сотканный лучами небесных светил, струился, мерцая, на молчаливый город, погруженный в торжественную тишину, словно храм.

Тео устроил Эдит на заднем сидении. Против обыкновения, она сделала ему знак сесть не рядом с ней, а впереди возле шофера.

В машине Тео пребывал в задумчивости. Кристиан разговорами не докучал. Время от времени Тео поглядывал в зеркало заднего вида и ловил в нем улыбку Эдит. Ему хотелось снова ее обнять. Почему он не сел с ней? Предстоящая дорога начала казаться нестерпимо долгой. Тео принялся высматривать, где бы можно было попросить Кристиана притормозить, чтобы пересесть к Эдит.

Но их машина уже покинула Лимож, и подходящего места все не попадалось. Внезапно Тео заметил, что дворники машины мечутся по лобовому стеклу в какой-то безумной пляске, не успевая смахивать стекающий по нему непрерывный поток воды.

– Откуда взялся ливень? – недоуменно обратился Тео к Кристиану.

– Не просто ливень, гроза. Уже несколько часов, как и обещал прогноз. С утра к этому шло, – последовал растерянный ответ.

И тут же, словно в подтверждение слов Кристиана, совершенно черное небо разорвал сверкающий зигзаг молнии, вслед за которым гулко грохнул раскат грома.

Тео в панике обернулся: заднее сиденье было пустым. Он зашептал, как заклинание, хотя ему казалось, что он кричит отчаянно, выбиваясь из сил:

– Эдит, не уходи. Пожалуйста... Я не вынесу этого во второй раз! Я не могу без тебя. Я без тебя не могу!

В эту секунду впереди откуда-то вынырнул ослепитель-

ный луч фар. Кристиан резко вывернул руль, пытаясь избежать столкновения. Жалобно взвизгнули тормоза. На скользком шоссе машину занесло, закрутило в немыслимом вираже... И сотрясло от удара чудовищной силы. В глазах Тео полыхнул нестерпимо яркий свет, а все тело превратилось в один сплошной комок боли. Со стороны, где он сидел, в них на полном ходу врезался другой автомобиль. Как потом выяснится, водитель был пьян и не справился с управлением.

Тео был еще жив, когда его извлекли из смятого в лепешку кузова и спешно доставили в больницу Лиможа. Там, окруженный со всех сторон суеязщимся медперсоналом, он с трудом приоткрыл веки. Неясные пятна перед глазами заколыхались, слились воедино, и в них постепенно отчетливо проступило лицо Эдит. С губ Тео слетел едва различимый вздох облегчения. Эдит стояла у его изголовья, держа одной рукой его за руку, а второй, едва касаясь, нежно гладила по лицу и тихонько шептала:

– Прости за эту боль, но по-другому исполнить твоё желание было нельзя. Любимый мой, мой мальчик, мой Тео, отныне мы вместе навсегда! Не бойся ничего. Я с тобой. Боль скоро уйдет...

Тео совершенно не чувствовал боли. Он улыбнулся Эдит одними глазами и увидел, как она улыбается ему. От этого стало безмятежно-спокойно...

На миг все померкло. И следом глазам Тео открылась ухо-

дящая в бесконечность дорога, по которой он шел рука об руку с Эдит. Она вела его к свету, излучающему Любовь...

* * *

Известный телеведущий Мишель Дрюкер, оказавшийся случайно в окрестностях Лиможа и, по его словам, спешно прибывший в клинику, скажет позднее, что последним словом Тео было имя «Жаклин». Это была та малость, которую Дрюкер мог сделать для спутницы Тео, напрасно ждавшей его той ночью. Но Тео произнес другое имя. Имя единственной женщины, которую любил, которая была его женой и с которой соединился в вечности.

Чашка остывшего чая осталась стоять нетронутая на столике у зеркала в гримерной рядом с фотографией Эдит, на обороте которой рукой Тео было написано: «Эдит, тебе, любимая».

Тео Сарапо – Теофаниса Ламбукаса – похоронили в одной могиле с мадам Ламбукас, известной всему миру как Эдит Пиаф, ее отцом и дочерью, умершей в возрасте двух лет от менингита, еще когда Эдит в юности пела на улице.

На строгом надгробии из темно-серого мрамора с бронзовым распятием, подернутым мшистым налетом патины, родители Тео поставили памятную табличку с надписью: «Нашим дорогим детям» и фотографиями Эдит и Тео, смотрящими друг на друга.

Завтрашние влюбленные
Будут любить друг друга без причин.
Разрываясь от счастья,
Связанные по двое,
Они пойдут в небеса
Вечной процессией
Одной дорогой...⁸

* * *

...те, кто любил друг друга,
Действительно любил, настоящей любовью,
Однажды встретятся вновь
Там, во времени, и навсегда.
И я уверена, что теперь
Наши влюбленные вместе...⁹

⁸ Песня из репертуара Эдит Пиаф «Завтрашние влюбленные».

⁹ Песня из репертуара Эдит Пиаф «Песнь о любви».

Список цитируемых песен

1. Эдит Пиаф «Гимн любви», слова Эдит Пиаф, музыка Маргерит Моно – 1949 г
2. Эдит Пиаф «Право любить», слова Робера Ньюля, музыка Франсиса Лея – 1962 г.
3. Эдит Пиаф «Жизнь в розовом свете», слова и музыка Эдит Пиаф (официально музыка зарегистрирована одним из музыкантов Пиаф Луиги) – 1945 г.
4. Эдит Пиаф и Тео Сарапо «Зачем нужна любовь», слова и музыка Мишеля Эмера – 1962 г.
5. Эдит Пиаф «Бог мой!», слова Мишеля Вокера, музыка Шарля Дюмона – 1960 г.
6. Лео Ферре «Умершей певице (памяти Эдит Пиаф)», слова и музыка Лео Ферре – 19632 г.
7. Эдит Пиаф «Общественное мнение», слова Анри Конте, музыка Маргерит Моно – 1957 г.
8. Эдит Пиаф «Уличное Рождество», слова Анри Конте, музыка Марка Эйра – 1951 г.
9. Тео Сарапо «Дом, что больше не поет» (1-й трек), слова и музыка Робера Галла – 1963 г.
10. Эдит Пиаф «Забери меня», слова Жака Планта, музыка Франсиса Лея – 1962 г.
11. Тео Сарапо «Вернуться в Грецию», слова и музыка Фредерика Боттона – 1965 г.

12. Тео Сарапо «Да, я хочу жить», слова и музыка Алис Дона – 1969 г.

13. Эдит Пиаф «Завтрашние влюбленные», слова Анри Конте, музыка Маргерит Моно – 1958 г.

14. Эдит Пиаф «Песнь о любви», слова Эдит Пиаф, музыка Шарля Дюмона – 1963 г.